

**Жизнь как процессуальность «вне закона»:
жизнь в контексте телеологического Времени**

С.С. Лазарев

Палеонтологический институт РАН

Аннотация

Моя специальность – биопроцессуальность.
Эволюирует жизнь, здесь полная ясность.

Чтоб осознать, сколь времена глубоки,
Спустился я в физику для пониманья истоков.

Потом устремился наверх – к человеку и рефлексии,
Чтобы увидеть смыслы всего в ретроспективе.

И понял я: прав Тейяр, иезуит и коллега,
Есть общая цель у процессов, у Времени бега.

Пусть в каждом из нас занозой сидит инерция Эго,
Есть общая цель у всех – точка Омега.

Если существует нечто, чего мы не можем
знать, мы не должны подходить к этому как к
интеллектуальной проблеме.

К.Г. Юнг

Введение

Мы живем в мире процессов. И сами мы — процессы, причем наша биологическая, материально выраженная, т.е. феноменальная процессуальность осложнена процессуальностью идеальной — эпифеноменальной, способной к рефлексии всей окружающей нас процессуальности и к саморефлексии. «Феномен человека» (Тейяр де Шарден) есть скорее эпифеномен как апофеоз бытийной процессуальности.

Трудно представить, что жизнь могла возникнуть в результате случайных (ненаправленных) изменений в физико-химических процессах. Также невероятно, что

«феномен человека» возник благодаря случайной (ненаправленной) комбинаторики всей предшествующей громады процессов.

Многообразие бытийных процессов соответствуют классы предикативных (референтных) времен (от физического времени до психологического), феноменальные проявления которых изучают разные науки, но у всех этих времен-процессов должен быть исходный источник и «дирижер», обеспечивающий их взаимосвязь и общую направленность процессуальности. Такое исходно цельное, внереферентное, континуальное Время (по Плотину, Время, отпавшее от Вечности), как информационная среда и целеполагающая причина (магистральный вектор) процессуальности, я связываю с мистическим (ненаучным) понятием «Телеология».

Это вполне соответствует представлению И. Канта о том, что Время вообще есть «понятие» априорное, метафизическое, т.е. «понятие» как интуитивное созерцание и находящееся вне рамок науки. А те «времена», которые обычно обсуждаются на междисциплинарном Семинаре по темпорологии, есть времена, соотнесенные с определенными (дисциплинарными) классами объектов. Иначе говоря, мы обычно обсуждаем различные группы времен-процессов, но не обсуждаем Время.

Внереферентное, беспредикатное время вообще, подобно внереферентному пространству вообще и подобно внереферентному числу вообще, есть сущности сугубо ноуменальные и априорные, и как таковые, они — необходимое условие появления любых материальных референтов-феноменов. Эта априорная триада «число — пространство — время» есть, по Канту, своего рода очки, позволяющие нам видеть и оценивать все остальное, а онтологически она есть потенция и условие реализации любой феноменально выраженной процессуальности, которая в итоге приводит к нечто большему и эпифеноменальному — к «феномену человека». Ниже я попытаюсь показать, что в этой триаде именно Время несет информационный заряд, телеологически определяющий общую направленность процессуальности, «вертикаль» Бытия. Таким

образом, проблема Времени — это прежде всего проблема метафизического (априорного) Времени, которое определяет направленность и общий тренд эволюции Бытия как концентрации и наращивания в ней иррационального (запредельного) компонента.

О структуре Универсума. Тринитарная матрица Бытия

Итак, наш мир (любые его объекты) тотально процессуален – общебытийная, очевидная истина, которая более полно раскрывается в трех ее ипостасях: «относительность – конечность – временность». Это та аксиоматика, которая принимается в качестве основы при решении наиболее общих и сложных проблем Бытия. Относительность предполагает наличие многообразия, конечность – дискретности, а временность – изменений, динамики (количественной и качественной).

Противоположный (антиномичный, запредельный) мир отрефлектирован в философии и теологии понятием «Небытие», или «Ничто» и должен характеризоваться диаметрально противоположными свойствами: абсолютность, бесконечность и вечность, что означает всеединство (однородность), континуальность и неподвижность (безвременность). Но это разнообразие свойств Небытия только кажущееся: все они осознаются лишь как апофатически (отрицательно) понятые свойства Бытия, а на самом деле это некое запредельное и непроцессуальное Всеединство, недоступное нашему пониманию, т.е. Ничто. В нем все Одно: точка, линия, круг, шар (Н. Кузанский, А.Ф. Лосев), как одно и то же — секунда и миллиард лет.

Абсолютная замкнутость и самодостаточность Небытия не позволяет выводить из него наше Бытие непосредственно. Поэтому необходима дополнительная Сущность, которая могла бы породить Бытие, т.е. процессуальность, и которая была бы причиной процессуальности и причиной Времени. Она совмещает в себе свойство неоднородности (в этом ее отличие от Небытия) и свойство континуальности (отличие от материального

Бытия). Эта континуальная, но неоднородная информационная напряженность, которая формирует систему усложняющихся отношений в дискретности эволюирующего Бытия, именуется здесь Инобытием. Промежуточность Инобытия – сущности сугубо информационной, проективной, телеологической – можно соотнести с понятием Логос как «вторичного Бога» в интуициях Оригена; при этом «первичным Богом» (Отцом) будет то, что называется здесь Небытием, а Святым Духом – деятельный след Инобытия в Бытии, т.е. то, что здесь называется Телеологией. Телеология – это мистическая континуальная сущность, с которой связана эволюция полевой информационной напряженности (эволюция отношений), формирующей магистральный вектор эволюции всей дискретно организованной материи.

Мы живем в процессуальном мире материального и всегда дискретного Бытия, который погружен в континуальную среду Инобытия – в мир идеальных отношений. Именно в этом смысле я понимаю высказывание А. Эйнштейна: «Мы имеем две реальности: вещество и поле». Можно сказать: наш процессуальный мир – это дискретность, эволюирующая в континуальной среде запредельного Инобытия. Сходные «понятия» прослеживаются в восточных культурах. Так, согласно школе Санкхья (7 в. до н.э.), в нашем мире есть две основные категории: пракрити (материя, природа) и Пуруша (дух, атман). Согласно школе «Дао», есть универсальный путь (дао) — нечто похожее на Телеологию, как развертывание полевой напряженности, управляющей миром. Преодоление времени в буддизме осуществляется через медитацию, когда прошлое, настоящее и будущее соединяются в моменты просветления. В неоконфуцианстве Ли есть невидимая Высшая Реальность, идея, а Ци — это материальное воплощение Ли.

Континуальное Небытие есть априорная к Бытию система развивающихся отношений (сущностей идеальных), которые определили развертку поюсторонней процессуальности, ее реализацию как магистрального вектора эволюции Бытия. Исходно неразвернутая система отношений представлена первотриадой Бытия «Число –

Пространство – Время», как некой «допроцессуальностью», как потенцией и условием настоящей процессуальности. Здесь идеальность и возникающая материальность (вещественность) почти синонимичны: «Число (=вещественность) Пространство (=вместилище) – Время (= «кусоч» Вечности)». А всего можно выделить три мегаэтапа эволюции Бытия, образующих его тринитарную эволюционно-структурную матрицу (рис. 1).

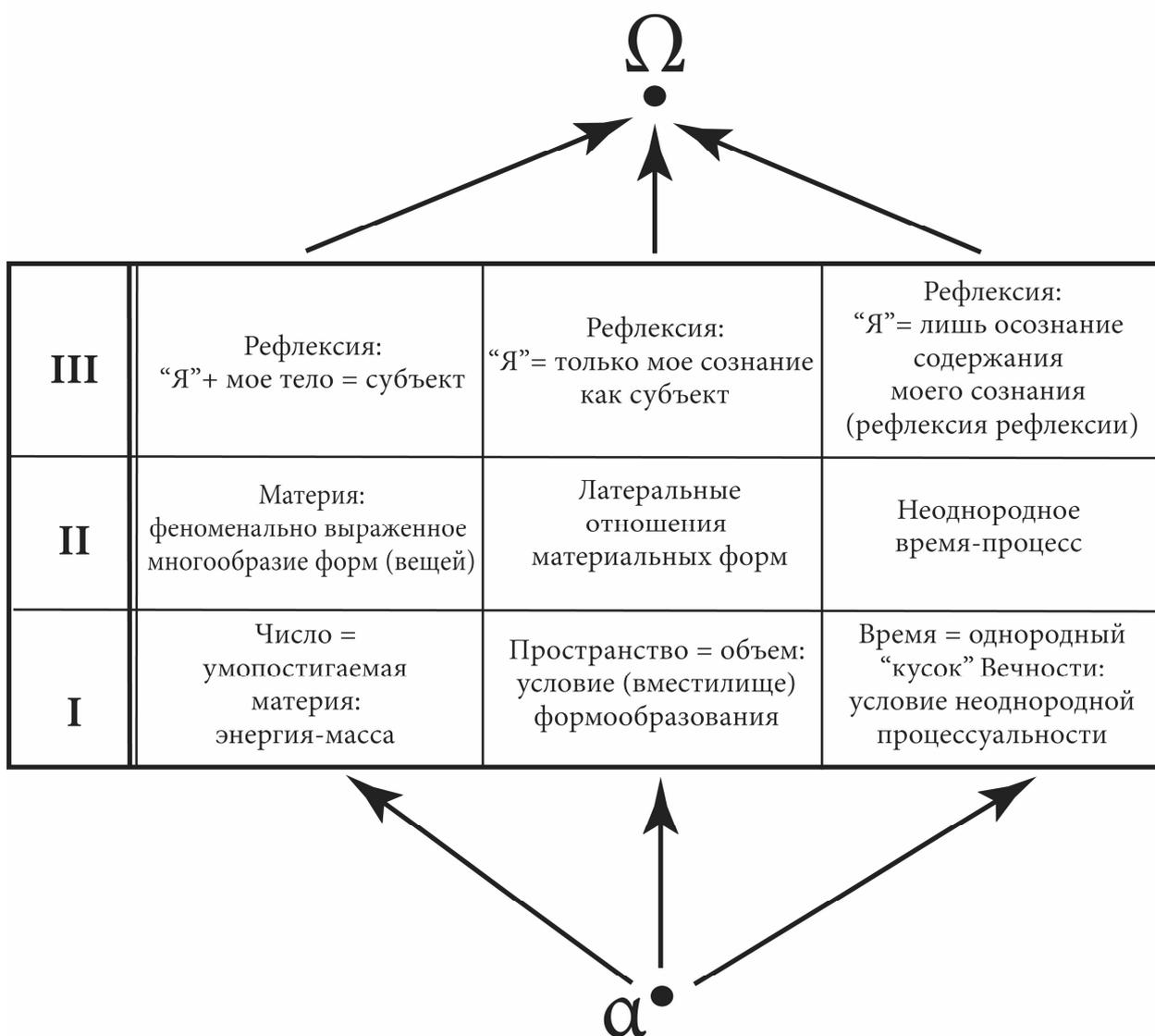

Рис. 1. Тринитарная матрица Бытия: его пространственно-временная структура.

I – дофеноменальный этап (мегаэтап) эволюции Бытия, который характеризуется максимумом рациональности, а его рефлексия связана с числом и мерой; здесь

материальное и идеальное, онтология и гносеология неразрывно слиты друг с другом в триаде «Число (=умопостигаемая материя) – Пространство (=объем) – Время (=кусочек Вечности)». Это значит, что физико-химическая дофеноменальная вещественность, которая образует фундамент вещей (феноменов) и которая предваряет и сопровождает их эволюцию, есть сущность исключительно умопостигаемая, а сфера ее понимания и выражения почти полностью ограничена математикой. Только для этого этапа эволюции пригодна модифицированная формула пифагорейцев: «вещественность есть числа». Соответственно и время здесь математическое (физическое), т.е. монотонно однородное – наследие Вечности, но оно уже несет латентно выраженную телеологическую напряженность (константы, меры) как основу дальнейшей напряженности в эволюции. Это мир идеальных платоновских сущностей – идей. Модель времени здесь – прямая линия.

II – феноменальный этап, рефлексия которого связана преимущественно с процессуальным временем, т.е. временем качественно неоднородным, синергийным, воплотившимся в многообразии материальных форм – вещей, феноменов. Это значит, что время здесь уже не абстрактное, не математическое, не внереферентное, но время выраженное в материальных носителях – в непосредственно наблюдаемых референтах. Соответственно его модель – не прямая линия, но неравномерная ступенчатость, которую мы пытаемся иерархически систематизировать (геологические шкалы, системы организмов в биологии).

III – эпифеноменальный этап Бытия: появление рефлексии (сознания) как эпифеномена максимально сложной материи (биологической капсулы). Здесь формируется вторичная идеальность – вторичная телеология, позволяющая в итоге осознать все три мегаэтапа Бытия, а тем самым понять и общий смысл процессуальности. Сама рефлексия тоже имеет три уровня сложности, ибо она есть рефлексия всех трех мегаэтапов эволюции Бытия; см. верхний ряд рис. 1; слева направо:

1. Рефлексия дофеноменального этапа эволюции – рефлексия исключительно умопостигаемая: онтология и гносеология здесь неразделимы и наиболее адекватно выражаются на языке математики. Главный вопрос этой рефлексии — «как?».

2. Рефлексия феноменального этапа эволюции – рефлексия многообразия материально выраженных и феноменально явленных форм; роль числа здесь все дальше отходит на второй план, а возможность сугубо рационального понимания уменьшается; растет «щель» между исходной абсолютностью («непогрешимостью») идеального и континуального (запредельного) замысла в фундаменте процессов, с одной стороны, и посясторонней относительностью (реальностью) его дискретного и материального («греховного») воплощения – с другой. «Призрак» случайности появился уже на дофеноменальном (квантовом) уровне реальности, а потом нарастала «закономерность случайного» (Э. Кассирер) как следствие накопления континуального телеологического (внетеретического) эффекта в усложняющейся дискретности Бытия. Главный вопрос этой рефлексии — «почему?».

3. Рефлексия эпифеноменального этапа эволюции – рефлексия рефлексии – как переживание внутренней глубины, переживание содержания своего сознания, переживание единства множественности; аналогично в музыке создается единство нот, которые, следуя друг за другом, образуют нечто живое и единое (А. Бергсон). На этом высшем этапе рефлексии появляется вторичная континуальность – напряженная среда сочувствия и любви, объединяющая дискретности ее носителей. Здесь достигается конечная цель процессуальности: конвергенция вторичного идеального в точке Омега (Тейяр де Шарден) как аналог физического схлопывания – возвращение к исходному Всеединству, преодоление Времени. Главный вопрос высшего этапа рефлексии — «зачем?»

Сама по себе рефлексия (сознание) – сущность континуальная, но имеет две диаметрально противоположных направленности: ее первая, низшая форма («Я» и мое

тело – субъект, противостоящий всему внешнему многообразию объектов) эгоистична и направлена в сторону усиления материальной дискретности, созданной процессуальным Бытием – вектор в сторону исходной рациональности; наоборот, высшая форма рефлексии («Я» – только содержание моего сознания) – принципиально новый, иррациональный и сугубо гуманитарный вектор, ориентированный в сторону континуального Всеединства (к точке Омега). Эта высшая форма рефлексии обладает исключительно идеальной направленностью («не от мира сего») и возникла в осевое время (пророки): первый проблеск объединительной континуальности в сознании – сочувствие и любовь как преодоление той процессуальности, которая творит многообразие, локальность и дискретность Бытия. Соответственно и творчество человека как проявление его активной рефлексии характеризуется двойкой направленностью (дополнительностью): 1 – вектор рациональный, т.е. стремление объяснить возникновение материального разнообразия и его процессуальность как таковую (законы и закономерности в науке и их философское истолкование – понимание): 2 – вектор иррациональный, т.е. осознание преходящей временности (процессуальности) и перспективы ее преодоления в сфере рефлексии (метафизика и теология, особенно – экуменическая). Временность как преходящая локальность имеет в рефлексии также эмоциональную ипостась: напряженность, которая создается тотальным ощущением одиночества. Это своего рода «подсказка» со стороны исходной Телеологии нам — носителям разнонаправленных вторичных телеологий.

**Биологические времена-процессы как апогей интенсивности
и сложности феноменально выраженной процессуальности и как основа
эпифеноменальных телеологий (рефлексий)**

Все объекты окружающего нас Бытия и мы сами – процессуальные системы разной степени общности и сложности (синергийности), что определяется их предшествующей историей. Процессуальность – это тот материально выраженный изменчивый поток, который определяется и сопровождается идеальностью отношений: сначала только идеальностью инобытийной, запредельной (первичная телеология), исходно выраженной константами, мерами, сродством, а позже, на стадии эволюции живого, к ней подсоединяется все более активно идеальность вторичная (рефлексия – вторичная телеология), которая, развиваясь, перенимает «эстафетную палочку» активности от Телеологии исходной – высшая форма рефлексии у человека-Личности.

Любой биологический объект (организм) есть лишь та вырванная из процессуального потока «точка» («здесь и сейчас»), которая синергийно вобрала в себя всю невероятную сложность (многокомпонентность – внутреннюю и внешнюю) всей предшествующей истории процессуальности, включая даже физические составляющие (масса тела, особенности опорно-двигательного аппарата и др.). Биологический объект есть концентрация всей предыдущей инерции процессуальности, которая телеологически привела его именно к той сложности, к тому мистическому переплетению необходимого и случайного, которое невозможно в принципе предвидеть рационально (теоретически), а тем более – «вычислить» его эволюцию как вычисляются, например, траектории планет. Иначе говоря, любой биологический организм существует не только как объект с функциональными (=горизонтальными) связями, которые сохраняют в онтогенезе наиболее общие черты предшествующей исторической процессуальности (филогенеза), но и как находящийся в формировании процесс (=«вертикаль»), представленный двумя ипостасями: 1 – «вертикаль тактическая», микроэволюционная, обусловленная внешними и всегда локальными условиями «здесь и сейчас», т.е. посюсторонними и рационально понятными (причинно-следственными) связями – та «вертикаль», которая тесно связана с функциональной «горизонталью»; 2 – «вертикаль стратегическая», которая формируется

трансцендентной, телеологически обусловленной, а значит недоступной для изучения латентной и запредельной напряженностью. Последняя регулирует наиболее общие направления биологической эволюции, а главное – конституирует ее осевой, магистральный вектор, направленный в сторону эпифеноменальных (вторично идеальных) процессов. Стратегическое конституирование процессуальности, будучи инобытийным и мистическим по сути – проблема не научная, не теоретическая, но осознаваемая исключительно апостериорно, как тот общий тренд, о котором Гегель сказал: «Необходимость скрыта в том, что совершается, и обнаруживается только в конце». Это – «закономерность случайного», по Э. Кассиреру, а применительно к живому: «жизнь никогда не бывает мудрой, а мудрость живой» (Г. Риккерт).

Итак, «горизонталь» предполагает пространственные (латеральные) и функциональные отношения, а «вертикаль» – временные (эволюционные), но при этом «вертикаль тактическая» почти сливается с сугубо функциональной «горизонталью»: незначительные изменения, вызванные колебательными (обратимыми) изменениями среды либо и сами обратимы, либо быстро обрываются, т.е. не формируют сколько-нибудь длительных в геологическом масштабе трендов. Это важно понимать в свете общественных дискуссий, развернувшихся в последние годы между сторонниками креационизма и сторонниками прямолинейного эволюционизма в позитивистском толковании (дарвинизм). Ведь, по сути, нам предлагается простейшая альтернатива в трактовке источника возникновения окружающего нас бытийного многообразия: либо библейски понимаемое творение, либо объясняющий всю эволюцию естественный отбор.

Объектом эволюции в дарвинизме является особь, индивид («Я») среди функционально подобных, но не вполне тождественных индивидов, а отношение между такими объектами – суть конкуренция, и борьба с множеством других «Я» в силу гипотетически неограниченных возможностей размножения всех «Я» при ограниченных ресурсах среды. Это значит, что изменения в дарвинизме идут «снизу вверх» от особи,

получившей незначительное преимущество среди себе подобных, но в очень конкретных условиях «здесь и сейчас» – условиях локальных, изменчивых и обычно обратимых. Здесь важно понять, что даже посясторонняя, конкретно выраженная континуальность как напряженность в отношениях среди себе подобных в конкурентной борьбе первична, а формирование материальной дискретности в генах (наследственность – продукт отбора как целостное свойство нормального развития) вторично, но не наоборот, как это постулируется в современной версии дарвинизма – в синтетической теории эволюции (СТЭ). В этом принципиальное отличие СТЭ от ее более современной версии дарвинизма – от эпигенетической теории эволюции (М.А. Шишкин). Можно говорить об эпигенезе как универсальном механизме процессуальности вообще, но только не на основе борьбы: ведь в основе эпигенеза как создания новой целостности (новых качеств) находится обычно кооперирование и дополнительность, но не борьба, в результате которой в биологических системах возникают несущественные и недолговечные новшества. Действительно, эпигенез, как механизм процессуальной конвергенции (=синергии), ведущий к принципиальным новшествам, появился еще на первом, физико-химическом этапе эволюции: атом как новая целостность на основе кооперации разных элементарных частиц, молекула – на основе кооперации разных атомов. В биологии эпигенез на основе конкуренции и вражды – это, скорее, нечто новое и характерное для наиболее сложных и многоуровневых систем, но при этом характеризующее самый низкий, тактический уровень взаимоотношений, который в состоянии объяснить только микроэволюцию (и в этом Дарвин был прав), но не стратегию эволюции.

По А.С. Раутиану, законы биологической эволюции можно рассматривать как частные проявления закона инерции, биологически (а значит более сложно) выраженного: появление и проявление собственных внутренних времен в системах (С.В. Мейен), определяющих причинную и преемственную смену качественных состояний. Биологическая процессуальность есть многообразие биологических форм

эквивинальности в онтогенезах (Дриш, Шишкин), а также в конвергенциях и параллелизмах филогенезов, «собирающих» и ограничивающих их разнообразие. Такого рода эквивинальности целого и частей целого в онтогенезах и филогенезах можно рассматривать как локальные проявления первичной Телеологии — основы появления локальных систем вторичных телеологий (целеполагания активных рефлексий). А физическому (количественному) понятию «инерция» в биологической эволюции соответствует качественное понятие «преемственность».

Биологическая, жизнь как апогей процессуальности, гносеологически находится на пути между максимумом рациональности и максимумом иррациональности в рефлексии, т.е. она слишком далеко ушла от возможностей ее математически выраженного объяснения, но вместе с тем еще далека от той запредельной иррациональности, которая завершает рефлексию, возвращающей Время в лоно Вечности. В этой двойственности (промежуточности) жизни — причина отсутствия в соответствующей ей рефлексии строгих законов, сопоставимых с законами в физико-химических науках. Иначе говоря, в «ненадежной области теории эволюции» существует «букет законов» (А.С. Раутиан) — локальных закономерностей, ограничивающих невообразимое многообразие в невероятно сложных биологических процессах.

Заключение: определения понятий и сущность процессуальности

В свете вышеизложенного можно дать максимально краткое определение беспредикатному понятию «Время». Время есть телеологически активный информационный регулятор процессуальности Бытия — регулятор по вертикали. Функцию пассивного, т.е. отлаживающего регулятора процессов выполняет единство Числа и Пространства — регулятор по горизонтали. Эти два идеальных регулятора процессуальности действуют совместно и отрефлектированы в западноевропейском

понимании как две переплетающиеся «нити Ариадны», тянущиеся к нам из Древней Греции: линия «темного» Гераклита с акцентацией на активную изменчивость вещей и линию «светлых» Пифагора—Платона с акцентацией на устойчивость и гармонию вещей. В совокупности их переплетение можно сравнить с генетическим кодом Бытия, условием процессуальности: «Число—Пространство—Время». Важно, что «Число», как максимальное воплощение рациональной рефлексии, связано с горизонтальным (пассивным) регулятором, т.е. с Пространством, но оно же антипод телеологически активному Времени, окончание которого ориентировано на максимум иррациональности. Иначе говоря, Пространство через Число связано с рациональностью – с порядком «по горизонтали»: это телеономия. А Время связано с иррациональностью – с «порядком» по «вертикали»: это телеология.

Итак, Время как общесистемное и целостное понятие (т.е. НЕ время физическое, геологическое, биологическое, психологическое или какое-либо другое) есть метафизическая и приграничная к Запредельности мистическая сущность, отпавшая от Вечности и тем самым получившая активность, которая априорна любому классу посюсторонних процессуальных времен.

Такое общеединное и целостное понятие «Время» сливается с понятием «Инобытие» как информационно-проективной сущности и с понятием «Телеология» как процессуальным следом Инобытия в Бытии. Но все же телеологическое Время уже этих понятий, ибо оно предполагает только вертикальную, целевую составляющую процессуальности, а любой посюсторонний процесс есть система отношений пространственно-временных сущностей. Это особенно очевидно при анализе простейшего (докачественного) «процесса» — перемещение объекта (условно — материальной точки) в пространстве. Ведь оно предполагает и перемещение объекта во времени, причем связь между этими пока сугубо абстрактными сущностями выражается математически. Такая идеальная связь идеальных сущностей и есть единство априорной

системы «Число—Пространство—Время», где время (t) обратимо, т.е. здесь и только здесь оно — четвертая координата пространства. В этой первотриаде (нижняя строка рис. 1) Время есть то начало, где его телеологическая сущность еще не проявлена и где она еще пребывает в допроцессуальной целостности, но зато целостность здесь можно выразить максимально рационально — через число. И наоборот, на противоположном, иррациональном полюсе процессуальности (высший этап рефлексии) роль числа как выражения процессуальной сущности Времени становится нулевой.

Таким образом, общеединое, беспредикатное, телеологическое Время есть своего рода Тезаурус Бытия, Сверхдуша Вселенной, Одушевленность Космоса — то, что конституирует магистральный вектор эволюции феноменальности, а на более низких уровнях системности Оно участвует и в регулятивных функциях («самоорганизация», синергия) по формированию растущей сложности процессов. Появление и развитие активной рефлексии (надбиологической эпифеноменальности) равносильно формированию вторичной телеологии — появление целей у все более осознанных, но локальных систем рефлексий, особенно — в человеческих социумах. Их высшая форма призвана самостоятельно (свободно) преодолеть внутри себя многообразие времен-процессов и вернуть их в лоно Вечности. В этом — общая суть разнообразия религиозных, иррациональных учений («не от мира сего») великих пророков, таких как Будда, Моисей или Иисус.

Жизнь как квинтэссенция активности, сложности и необратимости материально выраженной и качественно меняющейся феноменальности отрефлектирована множеством рыхлых «законов» (закономерностей). Последние, в отличие от «собирающих» физических законов — количественных «законов пространства», имеют отношение прежде всего к качественно выраженной инерции — к локально ограниченной в пространстве преемственности. В биологических законах явно превалирует творческая (непредсказуемая) роль телеологического Времени («вертикали»)

над пространственно собирающей ролью Числа (над «горизонталью»). Иначе говоря, количественная инерция в физических законах замещается в биологической процессуальности качественно выраженной инерцией — преемственностью относительно стабильных состояний (этапов) каждого специфического процесса. Это — следствие роста той невообразимой сложности (синергичности) отношений в растущем многообразии и локальности биологических трендов, которая далеко ушла от простой и рационально понимаемой физической (математически выразимой) инерции, полученной материей в момент Большого взрыва.

А высшая сложность — иррациональность третьего этапа рефлексии — вообще не имеет никакого отношения к «Числу» (к рациональности). Здесь формируется эпифеноменальная и эмоционально выраженная вторичная континуальность — континуальность на основе дискретности: любовь и сочувствие среди высших процессов.

Таким образом, модель нашего посюстороннего мира есть растущая пирамида усложняющихся процессов, ось которой соответствует магистрали эволюции от максимума таксономических (рациональных) отношений в исходных процессах до максимума телеологических (иррациональных) отношений среди высших рефлексивных процессов, замыкающих Время.